

Юбилейные даты

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ Н. В. УСТРЯЛОВ О ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. К. РОМАНОВСКИЙ,
доктор исторических наук,
доцент, заведующий кафедрой истории
и обществоведческих дисциплин НИРО
vkroman@mail.ru

В статье анализируются взгляды Н. В. Устрялова о русской революции 1917 года, раскрывается позиция политического мыслителя по таким важным аспектам, как причины, сущность, характер, этапы революции, роль интеллигенции, народных масс в революционных событиях, а также значение революции для страны и мирового развития.

The article analyzes the views of N. V. Ustryalov on the Russian Revolution of 1917. It also reveals the attitude of the political thinker to such important issues as reasons, the essence, the character, and the stages of the revolution. The author considers the role of intelligentsia and the masses in the revolutionary events; as well as the significance of the revolution for Russia and the world development.

Ключевые слова: *Н. В. Устрялов, причины, сущность, этапы революции, интеллигенция, народ, значение революции*

Key words: *N. V. Ustryalov, reasons, essence, and stages of the revolution, intelligentsia, people, the influence of revolution*

По истории русской революции опубликовано огромное количество исследований, но многие ее аспекты — причины, сущность, характер, движущие силы, значение — до сих пор остаются дискуссионными [8, с. 77—81]. Еще недавно считалось, что русская революция произошла в результате совокупности объективных причин, иными словами, «была неизбежна» [3, с. 71]. Однако сегодня утверждается, что объективных причин для революции в России не было, а «российская государственность

пала жертвой нескольких разрушительных потоков», которые «носили форму мало скрывааемых заговоров» [6, с. 223, 230].

Идут споры о сущности октябрьских событий 1917 года: одни авторы считают их «Октябрьским переворотом»; по мнению других, это была «социалистическая революция» [4, с. 278—282]. Существуют противоположные трактовки значения русской революции. Ряд исследователей подчеркивает, что она вызвала коренные изменения в общественном раз-

витии России [2, с. 88]. Сторонники другой точки зрения называют ее «нонсенсом», «тупиком истории» [1, с. 354]. Разногласия по этим и другим аспектам истории русской революции, существующие в отечественной историографии, подтверждают необходимость продолжения исследовательской работы, накопления и обновления базы источников по данной проблеме.

Определенным толчком к новому осмыслению истории русской революции является введение в научный оборот творческого наследия ее участников, современников. В этой связи особую ценность представляет политическая публицистика Н. В. Устрялова — уникальная летопись «русского кризиса» XX века и русской революции 1917 года.

Правовед, публицист, философ, политический мыслитель Николай Васильевич Устрялов (1890—1937) — активный участник русской революции и Гражданской войны в России. В 1917—1918 годах он преподавал право в Московском университете, состоял в кадетской партии, являлся политическим публицистом газеты «Утро России», освещая на ее страницах революционные события.

Осенью 1918 года Устрялов уехал из Москвы в Пермь. В местном университете читал лекции по праву, был избран на должность профессора по кафедре государственного права. В 1919 году участвовал в антибольшевистском движении в белой Сибири (Омск), отстаивая идею диктатуры «во имя демократии».

После разгрома Колчака Н. В. Устрялов эмигрировал в Китай. На чужбине он подверг переосмыслению события революции и Гражданской войны и выступил с «примиренческой» платформой: признал Октябрьскую революцию, объявил большевистскую власть единственной «национальной силой», способной восстановить государственность, призвал к сотрудничеству с большевиками во имя возрождения России [9].

Выход с его участием сборника статей «Смена вех» в Праге в 1921 году способствовал оформлению движения сменовеховства.

Одной из главных тем политического мыслителя в русском зарубежье продолжала оставаться русская революция. Различные аспекты этого явления нашли отражение в его многочисленных политических статьях, собранных в авторском сборнике «Под знаком революции» [10]. Особое отношение Устрялова к русской революции определялось не только его осознанием огромной значимости этого события для страны и мира, но и стремлением защитить революцию от нападков со стороны многочисленных оппонентов по эмигрантскому лагерю. Политическая эмиграция в большинстве своем была едина в ее «нецелесообразности и неоправданности» [7, с. 211].

После разгрома Колчака Н. В. Устрялов эмигрировал в Китай. На чужбине он подверг переосмыслению события революции и Гражданской войны и выступил с «примиренческой» платформой.

О причинах, сущности и характере русской революции

Н. В. Устрялов отвергает трактовки революции как «случайного», «стихийного» явления, которые господствовали на страницах эмигрантских печатных изданий. Он утверждает, что русская революция «глубоко закономерна», была «исторически predetermined». В России длительное время накапливались многочисленные противоречия. И потому та «бездна исторического зла, которая скопилась перед революцией чуть ли не во всех областях русской жизни, могла быть уничтожена, очевидно, лишь катастрофою». «Российское» зло, внутренняя болезнь нации должны были выйти наружу, этого требовал государственный организм страны. «Революция сорвала вековые обручи (порядком прогнившие) с великой русской бочки, и это менее всего вина революции, что содержание бочки оказалось достаточно горьким...» Устрялов делает вывод о том, что «основное худо»

революции не в ней самой, а в «порочном наследстве» [10, с. 128—129, 137].

Политический мыслитель был убежден в наличии «глубоких духовных корней русской революции»: «Не извне она навязана русскому народу, а является органическим его порождением...» [10, с. 344].

В самой революции, подчеркивает Устрялов, заложены разрушительные и созидательные начала. В ней проявляется не только зло, но и победа над ним. Она — «жар, температура в сорок градусов, возвещающая болезнь, терзающая организм, но и защищающая его от губительных микробов». Благодаря ей создаются условия для созидания и выхода на свет новых творческих сил [10, с. 129—130].

Устрялов называет русскую революцию великой [10, с. 37, 69, 89, 321], замечая при этом, что «великой она стала лишь к ноябрю 1917 года» [10, с. 111]. Ему «стыдно и больно» за февральскую революцию, которая сопровождалась «громкими лозунгами и театральными позами». На словах говорилось о «победе» и «государственном разуме», а на деле страна приближалась к военной катастрофе и распаду государства. Февраль «весь был соткан из противоречий, фатально влекших его к гибели», с ним связаны «разрушение», смерть «старого режима». Только после того как октябрьским морозом дыхнуло «на захмелевшую от свободы Россию», огромный бунт превратился «в великую революцию» [10, с. 205—207].

Политический мыслитель был убежден в наличии «глубоких духовных корней русской революции»: «Не извне она навязана русскому народу, а является органическим его порождением...»

Великие революции, отмечает Устрялов, имеют свои черты. Есть внутренняя логика в их развитии и историческая необходимость в их парадоксах и контрастах. Они всегда органически и подлинно национальны («какими бы идеями... ни воодушевлялись»), всенародны («захватывают всю страну, жизненно отражаются

на всех»), экстремичны («непеременно углубляются» до «чистой идеи») и разрушительны (все приносится в жертву «чистой идее») [10, с. 111].

Устрялов подчеркивает национальный характер русской революции. Этот вывод он сформулировал еще в России. «Как бы то ни было, — писал он в конце 1917 года, — мы имеем перед собою настоящую, подлинную русскую революцию, развернувшуюся во всю ширь... углубленную до своих крайних, последних глубин... Реализуется известный комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но все же издавна присущих нашему национальному самосознанию...» [11]. В эмиграции он продолжает оппонировать тем, кто сомневался в национальном характере революции. «Какое глубочайшее недоразумение, — восклицает он, — считать русскую революцию не национальной! Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на всю русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли... Нет, — ни нам (интеллигенции. — В. Р.), ни “народу” неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис — ни за темный, ни за светлый ее лики. Он — наш — подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом...» И даже если окажется, что девяносто процентов русских революционеров — инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергнет чисто русского характера движения. «Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, внешне или внутренне приобщившимися “русскому духу” в его нынешнем состоянии» [9, с. 6, 43, 47—48].

Об этапах русской революции

В развитии русской революции Устрялов выделяет два этапа: «разрушительный» (интернациональный) и «созидательный» (национальный). Рубежом между ними определяется весна 1921 года. На

первом этапе революции, по его мнению, господствуют «революционный романтизм» и доктринерские тенденции, большевики находятся в плену «программы-максимум». Они жестокими методами насаждают утопическую систему «военного коммунизма», пытаясь превратить страну в «единую фабрику» с централизованным аппаратом производства и распределения. Национальные интересы подчинены полностью интернациональным задачам. «Революционные» силы направляются на осуществление мировой революции. Международная политика большевиков превращает Россию в страну-изгой на мировой арене [10, с. 27—32, 36—40, 41—46, 75—77, 111—116].

С провозглашением нэпа «интернациональный» этап революции сменяется «национальным». Революция на новом этапе «идет навстречу реальным потребностям реального населения России». Национальные задачи становятся приоритетными. Создаются условия для «хозяйственного оздоровления страны». Устрялов убежден, что нэповский курс приведет к «национализации революции», возвращению страны на путь здравого смысла. В области внешнеполитической Россия стремится восстановить свой былой престиж, возвращается к методам дипломатии, начинает строить цивилизованные отношения с внешним миром [10, с. 112—116].

В новшествах времени Устрялов видит знаковый симптом — перерождение большевизма, его эволюцию. Большевики не отказываются от своей программы, они остаются принципиальными коммунистами. И советская власть «не способна превратиться в режим формального народоправства». Но В. И. Ленин, оставаясь самим собой, идет на уступки, «эволюционирует», то есть по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, чуждая большевизму. Ему ясно, что «немедленный коммунизм не удался», и он инициирует мероприятия, не свойственные «во-

енному коммунизму». «Чтобы спасти советы, Москва жертвует коммунизмом», — отмечает Устрялов. Хозяйственное возрождение государства должно начаться «через изживание, преодоление коммунизма» [10, с. 28—29, 37—38].

Интеллигенция в русской революции

Н. В. Устрялов уделяет особое внимание проблеме участия интеллигенции в русской революции. Эмигрантская интеллигенция отказывалась признавать свою ответственность за «русский кризис», считала, что в России произошла «не та» революция, о которой она мечтала. В эмиграции появилась даже теория о «двух революциях» — «благодетельной, февральской, и злокозненной, октябрьской, кем-то и как-то навязанной» [5, с. 400]. Признавая свое родство с Февралем, эмиграция таким образом отвергала свою идейную, духовную связь с Октябрем и большевизмом.

Устрялов в корне не согласен с таким подходом. Еще на начальном этапе революции он писал, что русская интеллигенция, готовившая революцию, должна «чувствовать нравственную ответственность за совершающееся», большевистская власть «не с неба слетела, а органически из жизни выросла», большевики — кара «за грехи русской интеллигенции» [11].

На чужбине политический мыслитель продолжает утверждать, что русская интеллигенция несет полную ответственность за «русский кризис» во всех его проявлениях (за Февраль и Октябрь). У русской интеллигенции с большевизмом «общие корни», они «одинаково порождены историей нашей общественной мысли». «Сама русская революция есть прежде всего борьба русской интеллигенции с самою собою», — формулирует ведущий тезис Устрялов [10, с. 248—249].

Он дает жесткую оценку историческому пути русской интеллигенции, по-

С провозглашением нэпа «интернациональный» этап революции сменяется «национальным». Революция на новом этапе «идет навстречу реальным потребностям реального населения России».

казывая процесс созревания в ее недрах «большевизма», его ростки, заметные на протяжении всей ее истории. Преклонение перед материальной культурой, неприятие национальных начал, неучастие в государственных делах, влюбленность в утопии, нежелание видеть в окружающей жизни «крупниц добра» — все это вело к утверждению в этих кругах антигосударственных настроений. В условиях притеснений и репрессий многие из интеллигентской среды находили смысл жизни в мечтах о построении «радикально нового мира». Интеллигенция «была... искалечена до мозга костей» [10, с. 249—250].

Целые поколения русской интеллигенции, отмечает Устрялов, воспитывались в ненависти к власти, «приучались отождествлять правительство с государством и родиной». Понятие «национального лица» объявлялось «мистической выдумкой», принцип национальной культуры провозглашался «реакционным». Термин «национализм» стал бранным словом. «В конце концов, — делает вывод Устрялов, — мы превращались в каких-то Иванов-непоминающих, людей без отечества, оторвавшихся от родной почвы... Лишь подлинно великое потрясение могло бы излечить русскую интеллигенцию от ее тяжелой болезни» [10, с. 251—252].

Целые поколения русской интеллигенции, отмечает Устрялов, воспитывались в ненависти к власти, «приучались отождествлять правительство с государством и родиной».

В феврале 1917 года рухнула императорская Россия, а вместе с ней и старая государственность. Но интеллигенции, вставшей у руля, замечает Устрялов, оказалось не под силу решение задачи строительства новой государственности. «Мартовская власть» показала полную неспособность управлять страной, руководить массами, понимать их запросы и устремления. Оказалось, что «к мысли она привычней, чем к действию». Углубление революции происходило чрезвычайно быстро и давние фантазии русской интеллигенции «облекались плотью и кро-

вью». «Мы пережили на пространстве нескольких месяцев, — констатирует Устрялов, — ...“оживотворение” истории русской политической мысли... Страшный суд пришел — суд над духом и плотью русской интеллигенции» [10, с. 249—254].

Народ в русской революции

Не интеллигенция, а народ, утверждает Устрялов, стал главным строителем новой русской государственности. До Февраля в нем доминировали бунтарство и антигосударственные настроения. Только после Февральской революции он стал «самоопределяться», втягиваться в политическую жизнь. Народные массы отвергли национально-государственную идеологию Временного правительства. «Многоуважаемая революция» «хирела», а вместо нее развивалась «реальная», «настоящая», всенародная революция. Страшный вихрь ее отзывался по всей стране. Народ, превратившись в «кузнеца своего счастья», добывал «мир, хлеб и свободу» как мог: бросал фронт, «грабил награбленное», жег и громил поместья.

Тут-то, по словам Устрялова, и произошла своеобразная встреча народных масс с большевиками. Идеология большевиков имела весьма мало общего с духовным миром русского народа, но они были обращены к народу не марксистскими схемами, а своим пафосом бунтарской правды и своими соблазнительными социальными лозунгами. Рабочекрестьянский бунт, нуждавшийся в идеологии и лозунгах, нашел и то и другое у «большевиков-интеллигентов», которые не только не испугались анархии, но стремились ее углубить, чтобы потом по-своему руководить ее самоликвидацией. Страна представляла собою «сплошное анархическое море бурлящих народных инстинктов». Несмотря на смертельную опасность для российской державы, по словам Устрялова, «эта анархия была глубоко национальна, ...и в ужасном кровавом хаосе зарождались основы нового народного самосознания и новой госу-

дарственной жизни» [10, с. 249, 255—256].

В российской истории, замечает Устрялов, возникает «общий язык» между народом и интеллигенцией. Низы деревни и города стали главной социальной опорой большевиков. Их правительство приблизилось к народу, стало ему доступно, а народ, привыкший безмолвствовать, «учился властвовать, сознавать свои интересы и свои возможности». Комитеты бедноты, советы депутатов, комиссары из рабочих, крестьян и матросов — все это свидетельство «народного правления», перехода власти к «людям из народа» [10, с. 258—259]. В конечном счете, приходит к выводу Устрялов, народ, на собственном опыте осознав «необходимость в порядке и твердой власти», начинает созидать новую государственность. «Русский народ, — убежден мыслитель, — глубоко государственный. В критические минуты своей истории он неизменно обнаруживал государственную находчивость свою и организаторский разум...» И в 1917 году, разрушив конкретную форму государственного бытия, он не перестал быть государственным народом. На смену анархии приходит процесс «собрания и воссоздания России», строительства новой государственности. Народ созидает «свою власть и свое право» [10, с. 259—261].

О значении русской революции

Размышляя об историческом смысле и значении Великой русской революции, Устрялов подчеркивает ее эпохальный характер: «Она глубочайшим образом всколыхнула весь русский народ, закрутила его в своем смерче, перепахала наново народное поле. Она прорвала немало психологических плотин, смыла, правда, много хорошего, но не меньше и наносного сора, оплодотворила землю, подобно весеннему разливу. Она дерзновенно и яростно разрубила ряд гордых узлов, запутанных последнюю эпоху жизни России. Но она не только прочно покончила с помещным классом

и дворянской монархией, — она, вместе с тем, поставила и перед Россией, и перед всем миром целый рой огромных и жгучих исторических проблем».

Вопросы социального, национального, государственного устройства, вопросы международных отношений и самого смысла истории — весь этот круг проблем предстал перед человечеством. Русская революция, как всякая великая революция, имеет непосредственно меж-

Русская революция, уверен Устрялов, «коренным образом изменит политический и социальный лик страны» и «явится неотвратимым стимулом исторического прогресса».

дународную направленность. Она показательна для всей современной цивилизации, «знаменуя собою ее серьезный и тревожный надрыв» и приковывая к себе внимание всех стран. Русская революция, уверен Устрялов, «коренным образом изменит политический и социальный лик страны» и «явится неотвратимым стимулом исторического прогресса» [10, с. 111—112, 389—390].

При оценке революции Устрялов предлагает руководствоваться формулой философа Б. Спинозы: «не плакать, не осмеивать, не проклинать, а понимать». И при этом нельзя быть в плену текущих настроений. «Мы обязаны в нашей практической деятельности исходить не из эмпирических впечатлений момента, а из общего анализа революции и ее исторической роли... Лишь поняв и приняв революцию как великую историческую стихию, новыми путями ведущую родину к реально новой жизни, можно содействовать преодолению всех ее разрушительных, злых и подчас бессмысленных внешних проявлений», — считает он [10, с. 128].

Итак, русская революция в России в трактовке политического мыслителя Н. В. Устрялова:

✓ есть закономерное явление, вызванное, с одной стороны, объективными причинами, с другой — духовно подготовленное многими поколениями русской интеллигенции, формировавшей в русском обществе ненависть к власти и государству;

✓ содержит в себе не только разрушительные начала, но и созидательный потенциал, обеспечивающий условия для возникновения новых тенденций общественной жизни;

✓ является «великой» по масштабам распространения, включению в революционный процесс различных социальных слоев, по глубине разрушительных и преобразовательных процессов, по влиянию на мировое развитие человечества;

✓ национальная по своему характеру, отражает темные и светлые лики русской души, противоречивые свойства русского характера;

✓ проходит в своем развитии два этапа, рубежом которых является весна 1921 года: *интернациональный* (разрушительный), в ходе которого большевики стремились навязать в стране утопические идеи, разжечь пожар мировой рево-

люции, конфликтовать с внешним миром, и *национальный* (созидательный), когда приоритетными стали задачи национального развития страны, в экономике утверждались принципы здравого смысла, во внешней политике восстанавливались цивилизованные отношения со странами;

✓ осуществлялась с участием широких масс города и деревни, проявивших как бунтарские инстинкты, так и государственную ответственность;

✓ изменила политический и социальный облик страны и стала важнейшим фактором исторического прогресса в мировом масштабе.

Размышления и оценки Н. В. Устрялова, посвященные русской революции, несомненно, представляют интерес для современного осмысления этих событий и актуальны для дальнейших исследований русского кризиса начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Деревянко, А. П.* История России с древнейших времен до конца XX века : учебное пособие / А. П. Деревянко, Н. А. Шабельникова. — М. : Право и закон, 2001. — 800 с.
2. *Искандеров, А. А.* Очерки новейшей истории советского общества / А. А. Искандеров // Вопросы истории. — 2002. — № 5. — С. 69—91.
3. История России XX века : пособие для учителя / А. О. Чубарьян, Е. И. Пивовар, А. В. Пыжиков [и др.] ; под ред. А. О. Чубарьяна. — М. : Просвещение, 2003. — 352 с.
4. История России с позиций разных идеологий : учебное пособие / под ред. проф. Б. В. Личмана. — Ростов н/Д : Феникс, 2007. — 461 с.
5. *Ландау, Г.* Революция и смута. (Социологический опыт) / Г. Ландау // Русская мысль. — 1923—1924. — Кн. IX—XII. — С. 339—424.
6. *Никонов, В. А.* Понять Россию : учебно-методическое пособие / В. А. Никонов. — М. : Русское слово — учебник, 2016. — 262 с.
7. *Омельченко, Н. А.* В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 года, большевизме и будущих судьбах российской государственности: историко-политический анализ / Н. А. Омельченко. — СПб. : Изд-во РХГИ, 1996. — 560 с.
8. *Рачина, А. В.* Некоторые аспекты изучения революции 1917 г. / А. В. Рачина, В. В. Бурьков, А. В. Алексеева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 1—2. — С. 77—81.
9. *Устрялов, Н. В.* В борьбе за Россию / Н. В. Устрялов. — Харбин : Окно, 1920. — 80 с.
10. *Устрялов, Н. В.* Под знаком революции : сб. ст. / Н. В. Устрялов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Харбин : Полиграф, 1927. — 415 с.
11. *Устрялов, Н. В.* В Рождественскую ночь / Н. В. Устрялов // Утро России. — 1917. — 24 декабря.
12. *Чубарьян, А.* О новом учебнике истории / А. Чубарьян // URL: <http://www.nakanune.ru/articles/18265>.